

ЗАГАДКИ

В Москве, во Дворце молодежи, завершилась выставка картин Ильи Глазунова. О творчестве художника размышляет искусствовед Мария ЧЕГОДАЕВА.

Илья Глазунов на картине Ильи Глазунова «Мистерия XX века».

Фото Андрея КНЯЗЕВА.

ГЛАЗУНОВА

Илья Глазунов — фигура парадоксальная. Нет другого советского художника, чье творчество вызвало бы столь противоположные суждения. Массовый успех и подчеркнутый скептицизм большинства художников; слава мастера историко-религиозно-философских картин — и упреки в потакании дурному вкусу; декларативная «неортодоксальность» большинства работ — и благосклонность судьбы в 60-е, 70-е, первую половину 80-х годов, когда «неортодоксальное» искусство отнюдь не поощрялось... «Феномен Глазунова» вызывает интерес, и не только в

нашей стране. Споры о нем не утихают. Вновь и вновь звучит вопрос: что же такое в советской культуре искусство Глазунова, на чем зиждется его неслыханная популярность?

Конечно, сыграли свою роль и огромные выставки в Манеже (беспрецедентные, поскольку других персональных выставок современных советских художников до сих пор в Центральном выставочном зале не бывало), и великолепно изданные монографии, и фильмы, и телепередачи, и бесчисленные интервью, и восторженные статьи в центральной прессе; критическая статья В. Кисунько в «Советской

культуре» в 1986 году была тут же «подправлена» другими газетами. Свою магию имеют известные имена многих его моделей. Как бы то ни было, массовый зритель находит в работах художника нечто, отвечающее его, зрительским запросам, уходит восхищенным, унося в сердце благодарность к автору.

И как не испытывать широкому зрителю чувства признательности к Глазунову? Начать с того, что в его творчестве публика находит поистине глобальный, потрясающий ее воображение охват проблем самого высокого плана. Едва ли не все вопросы мироздания, над решени-

ем которых бились величайшие гении, оказываются у художника решенными: судьбы России и всего мира, жизнь и смерть, борьба добра и зла; Христос, блудный сын, Прометей, Давид, Борис Годунов — проблематика Пушкина, Достоевского, Рембрандта, Микеланджело, Сурикова, вместе взятых. Это ли не масштабы! «Мистерия XX века», «Сто веков» — какой Александр Иванов рискнул бы выступить с двумя такими темами, да еще тут же сообщить, что в перспективе у него работа над картиной «70 лет» — о путях истории Советской страны, столь противоречивых, столь трагических, что, кажется, двух жизней не хватит их раскрыть. Но Глазунов уверен в собственных силах: «Я подумал тогда, — говорит он в интервью на страницах «Советской культуры», — что отразил наш тревожный XX век, кто отразил революцию, социальные бури, катастрофы? И так родилась идея создания картины «Мистерия XX века».

Философское осмысление глобальных проблем порождало у больших художников искусство, как правило, сложное, новаторское, требующее от зрителей нелегкой работы ума и воображения. Разговор о труднейших вопросах своего времени вряд ли может быть легким времяпрепровождением.

А картины Глазунова понятны буквально с первого взгляда всем и каждому, доведены до полной ясности и наглядности, приспособлены к пониманию самого неподготовленного зрителя. Правда, методы, которыми он пользуется в «Мистерии XX века» и «Ста веках», не свойственны русской традиции: никогда не был пресущ русской культуре принцип пересказа глубоких тем в облегченных формах. На международной книжной ярмарке в Москве в разделе книг США была, например, представлена Библия в виде занимательных картинок. Почему бы таким же способом не пересказать историю России, народные трагедии, катастрофы XX века? В мировой массовой культуре есть апробированные методы таких адаптаций; например, метод монтажа в одной композиции разно-масштабных фигур и предметов с использованием фотографий, репродукций, наглядной символики и пр. Прием этот с успехом употребляется в журналах всего мира, плакатах, рекламе, картинах, утверждающих тот или иной национальный престиж, национально-этнографическую экзотику.

Глазунов блестяще усвоил эти методы. Он вклеивает в холст подлинные страницы газет, строит «Мистерию XX века» по принципу «рассказа в картинках», вводя в нее десятки персонажей, взятых с хорошо известных фотографий и портретов, множество натуральных деталей вроде бутылки с тщательно воспроизведенной этикеткой, монтируя одно к другому, снабжая

надписями, пояснительными знаками. Принцип зрительского восприятия картины — разглядывание и узнавание: вот Николай Второй, несущий тело своего сына; Распутин, осеняющий нас двуперстным крестным знаменем; Маяковский — этаким ковбой с рекламы боевика, гигантской рукой наводящий на зрителя дуло револьвера; Эйнштейн, согласно известной фотографии, с дразняще высунутым языком; нарочито окариатуренный Хрущев на ракете с башмаком и кукурузой в руках... Фигуры перемежаются символами столь же наглядными. Колочая проволока с фашистским орлом разделяет XX век. По ту сторону — Христос, Ника Самофракийская, Толстой, царь; по эту — революция, олицетворенная свергнутым (вместе с иконой Георгия Победоносца) двуглавым орлом, фигурой Ленина, красным знаменем, исчерченными пятikonечными и шестиконечными звездами; здесь же Гитлер; Сталин в кровавом гробу, стоящем, как на катафалке, на Бранденбургских воротах, символе Победы; «Рабочий и колхозница» Мухиной; ядерный «гриб»; современное распутство в виде голы женщины — буквально все или почти все, что только можно отнести к XX веку, нашло в картине свое ясное и доходчивое отображение.

Но вот одна фигура, видимо, важная, судя по ее размеру и месту в композиции в правом верхнем углу, откуда тянется колочая проволока, предстает загадкой. Кто он, этот старообразный лысый эмбриончик, почему именно он «правит бал» XX века? Глазунов любит вводить в свои работы подобные «загадки», интригующие зрителя, позволяющие искать в его картинах некий зашифрованный смысл. Эта «загадочность» Глазунова отнюдь не сложность: она сродни той обязательной «тайне», без которой не обходится ни один детектив. В ней существенная доля привлекательности его творчества.

Итак, увлекательное разглядывание, узнавание, своего рода игра «узнал — не узнал»; занимательная «интрига», создающая ореол таинственности со множеством намеков, смысл которых так заманчиво разгадать, дознаться, например, правда ли вокруг головы убийственного царевича Алексея нимб святого или просто светлый блик, — все это неудержимо влечет многочисленную публику. Глазунов, как никто у нас, знает психологию массового зрителя. Без преувеличения можно сказать: он истинный лидер массового искусства, на знамени которого написано: доходчивость, занимательность, доходность.

Что ж, это тоже XX век. Глазунов — порождение многих «социальных бурь и катастроф» трех последних десятилетий нашей жизни, актер, по праву играющий в «Мистерии XX века» роль, которую сам себе уготовил.